

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 49

Series Editor
Lazar Fleishman

Скрещения судеб
Literarische und kulturelle Beziehungen
zwischen Russland und dem Westen
A Festschrift for Fedor B. Poljakov

Edited by
Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla,
and Michael Wachtel



PETER LANG

Алексей Ремизов:
<Надробное слово на похоронах
С.П. Ремизовой-Довгелло>

А.М. Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Серафима Павловна Ремизова-Довгелло скончалась 13 мая 1943 г. Имевшая у нее хроническая болезнь печени стала неуклонно прогрессировать после сильнейшего нервного стресса, испытанного Серафимой Павловной при немецкой бомбардировке Парижа 3 июня 1940 г. От взрывной волны в квартире Ремизовых были выбиты оконные стекла, а оба супруга были ранены разлетевшимися осколками. Тяготы жизни в оккупированном городе и постоянный уход за женой фактически на 3 года лишили Ремизова возможности заниматься литературным трудом. Лишь после смерти Серафимы Павловны с июня 1943 г. писатель смог вернуться к творчеству, чтобы создать, как он говорил, произведение – «комментарий» к ее завершившейся жизни. Название этого текста неоднократно менялось, но при всех трансформациях параллельно сохранялся его единый инвариант – «Сквозь огонь скорбей». 18 августа 1943 г. Ремизов сообщил своему старому другу – художнику Н.В. Зарецкому: «Три месяца я писал. Теперь буду переписывать, называю «Из пролога» – о наших последних днях и годах. Я провел 1075 ночей дежурства без перерыва, Вы представляете, в каком я виде. Три года не писал. Я почти ничего не ем: или не хочется, или не хочется для себя готовить». ¹ На первом этапе работы Ремизовым было создано произведение, получившее название «В розовом блеске. Из пролога». ² На последнем листе авторизованная машинопись этого текста была датирована: «13 XI 1943». ³ Произведение было посвящено художественному анализу феномена личности любимой женщины. Образ Серафимы Павловны был увиден сквозь призму истории ее рода, рассмотрен в конкретно-историческом и мифопоэтическом контекстах. Яркими эпизодами, как бы точечными мазками,

1 *Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze. Nikolaj Vasiljevič Zareckij (1876–1959): písemná pozůstalost.*

2 ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 65. 156 лл.

3 Там же. Л. 156.

были очерчены основные этапы ее жизни – от детства до последних дней смертельной болезни. В автокомментарии Ремизов так расценил столь интенсивный всплеск своей творческой энергии: «После смерти С.П., я взялся писать мою память и шесть месяцев писал, не прерывая мысли. И пока я писал, я видел перед собой живого человека, слушал его и отвечал ему. Но как только кончилась моя работа, я почувствовал себя заключенным в мертвецкой: дверь за мной закрылась, и уж выйти не было ни сил, ни надежды. В моих глазах неотступно костенело одно мертвое лицо». ⁴ Преодолением последовавшей депрессии стала работа по дальнейшей переработке *автономного* произведения «В розовом блеске. Из próлога» в *часть* создававшейся на протяжении многих лет монументальной эпопеи под заглавием «Оля». Писатель фактически «перекроил» весь текст, добиваясь его более тесного сопряжения с другими частями, в которых уже было рассказано о ранних периодах жизни героини. Эпопея «Оля» представляла собой подробное повествование обо всех этапах земного существования Оли Ильмёневой, прототипом которой была Серафима Павловна. Созданная Ремизовым книга в 5-ти частях состояла из текста повести «Оля» (Париж, 1927); из опубликованной только в периодике части «Голова львова» и из значительно переработанного текста «В розовом блеске. Из próлога», получившего теперь название «За зеленой оградой» и включившего в себя также материалы из архива семьи Довгелло («Из Берестовецкого архива Довгелло»). ⁵ Однако публикация полного текста созданной книги не была осуществлена. Исполняя волю (а фактически – приказ) Издательства имени Чехова, не согласного с большим объемом книги, Ремизов был вынужден исключить из ее состава две части (о детстве и ранней юности героини), и изменить ее название. Книга, опубликованная в 1952 г. в Нью-Йорке в Издательстве имени Чехова, вышла под заглавием «В розовом блеске». Фактически Ремизов «отобрал» это название у своего же автономного мемориально-художественного текста 1943 г. Как видно из вышеизложенного, после смерти Серафимы Павловны Ремизов был одержим мыслью о создании художественного текста, содержащего универсальное описание и оценку *всей* ее жизни. В 1943 г. такое произведение – «В розовом блеске. Из próлога» – было создано. После 1944 г. возникла другая модификация *того же* замысла – собранная из разновременных и разностильных частей эпопея

4 ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 97–98.

5 Подробнее текстологическую историю книги «В розовом блеске» см.: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 15. *В розовом блеске* (С.-Петербург: Росток, 2019), стр. 704–737.

«Оля», которая была лишь частично и под другим названием опубликована в 1952 г. Но в архиве писателя удалось обнаружить самый ранний вариант реализации авторской идеи – сохранить для культуры и истории память о скончавшейся супруге. Это – записка о жизненном пути и значении личности Серафимы Павловны, подготовленная писателем как источник для надгробного слова священника на ее похоронах. Ее текст не является суммарным резюме – нейтральной информацией о биографии и заслугах покойной. Фактически это – эмоционально насыщенное, сконцентрированное до нескольких страниц осмысление личности Серафимы Павловны – как бы концептуальный набросок, который лежит в основе дальнейших работ, завершившихся созданием так полностью и не опубликованной эпопеи в 5-ти частях «Оля». Впоследствии текст надгробного слова был использован Ремизовым как один из источников для главы «Последняя заора» романа «В розовом блеске». В автографе надгробного слова имеются исправления. Они свидетельствуют об авторской интенции, сохраняющейся и в экстремальных обстоятельствах, создать художественно завершенный текст, повествующий о Серафиме Павловне как о человеке, утрага которого стала потерей не только лично для Ремизова, но и для русской культуры.

Текст публикуется по автографу (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1336. Л. 118–119).

А. Ремизов

<Надгробное слово на похоронах С.П. Ремизовой-Довгелло>

Серафима Павловна Ремизова-Довгелло – из твердого, как скала, литовского рода, получившего имя «довгалес», что значит «могучий», соединившегося в веках с другими родами: родом Гедройцев, Милорадовичей, Скоропадских – по отцовской линии, а с материнской из гетманского рода Самойловичей, после сибирской ссылки осевшего в Костроме и смешавшегося с костромским русским родом Ратковых, а в литературе (на всех европейских языках читают «Олю» Ремизова⁶), – и есть сама Оля, и не крик крови и бунт духа женщин Достоевского, а в традиции тургеневских – чистота мысли, чистое сердце и пламенная вера.

6 Имеется в виду издания: А.М. Ремизов. *Оля* (Париж, 1927). См. переводы отдельных частей эпопеи «Оля»: А. Ремизов. *In blauem Felde*. Übersetzt von Käthe Rosenberg (Berlin, 1924); А. Ремизов. *Sur champ d'azur*. Trad. de Jean Fontenoy (Paris, 1927); А. Ремизов. *Na modrom polju* (Zagreb, 1929); А. Ремизов. *Оля* (София, 1930); А. Ремизов. *Na sjet polu* (Ljubljana, 1931).

На Высших курсах на историко-филологическом отделении ученица Платонова, в Археологическом институте⁸ – Шляпкина, Каринского,⁹ Майкова,¹⁰ Середонина,¹¹ Покровского,¹² она применила свои ученые [палеографические] познания в Париже. Принятая профессором Буайе¹³ и Мазоном¹⁴ в качестве лектора в Школу Восточных языков, она впервые открыла курс славяно-русской палеографии и читала лекции с 1924 г. сначала как «*coûrs libre*»¹⁵ при курсе Буайе, потом при Паскале.¹⁶ В списке ее учеников значатся немало громких французских имен. Одаренная необыкновенной памятью, она без книг приводила примеры из памятников [веков] русской письменности, отчетливо, ясно и со всем спокойствием уверенности, с XI и до XVII века, не фальшивя в интонации.

Ее голос, звучащий подобно виолончели, приковывал внимание и легко, без надрыва, передавал в память слушателей слова и фразы. Все свои лекции она читала без тетради, [лицом к лицу] из своей глубокой памяти. И это очаровывало. А ясные ее глаза светили, как и улыбка. И вот теперь веки упали на эти глаза железом, и улыбка погасла – крепко сжаты губы, окостенели.

7 С.П. Ремизова-Донгелло училась на историко-филологическом отделении Высших женских (Бесгужевских) курсов в 1893–1897 гг.

8 В Археологическом институте (1877–1922) С.П. Ремизова училась в 1910–1912 гг. См. текст ее Аттестата, переписанный Ремизовым (Дневниковые и прочие записи Ремизовой-Донгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга III. – ГИМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 36–37).

9 Каринский Николай Михайлович (1873–1935) – филолог-славист, палеограф, диалектолог, с 1921 г. член-корреспондент Академии Наук.

10 Майков Владимир Владимирович (1863–1942) – археограф, палеограф, член-корреспондент Академии Наук.

11 Середонин Сергей Михайлович (1860–1914) – историк, профессор истории в Императорском историко-филологическом институте и Археологическом институте.

12 Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – археолог, профессор Петербургской духовной академии, директор Археологического института.

13 Буайе Поль (Boyer Paul, 1864–1949) – французский славист, профессор, директор École nationale des Langues orientales vivantes (1908–1936).

14 Мазон Андрэ (André August Mazon, 1881–1967) – французский славист, профессор École nationale des Langues orientales vivantes.

15 *cours libre (фр.)* – бесплатный курс.

16 Паскаль Пьер (Pascal, Pierre; Петр Карлович, 1890–1983) – французский славист, менист, профессор École nationale des Langues orientales vivantes, друг А.М. Ремизова.

Она не родилась писательницей, не в изобразительности [были] чары ее слов, нет [это были], музыка звучала в ее письмах и записках, это стиль Толстого, [косну<?>] глубоко [проникающего] пронизывающего сердце горечью или ласковостью и приветом.

Случайно или все же, почему и за что не скажешь, контуженная [при бомб<ардировке>] при бомбардировке в вихре стеклянных осколков, она упала, закрываясь руками, и поднялась. Но с этих пор что-то случилось, и шаг уж не тот. Три года и с каждым годом острее, а путь все короче, закончила дорога, нет больше ровного места.

Она не читала молитвы, она ежедневно писала свою молитву Богородице, как к сестре и как к матери: «Матерь Божия, спаси, спаси!»¹⁷ И услышала Пресвятая Богородица этот голос из пучины [мук] человеческого страдания – так говорится в «Хождении Богородицы по мукам»,¹⁸ где идет речь о всех страждущих и помощи требующих.

В малороссийской сорочке и черном сарафане, память родной черной земли и гоголевских звезд, на нее кипарисный крест, а на груди у сложенных рук кипарисный образок Богородицы,¹⁹ – тихо, как спит.

Серафима Павловна – Оля Ильменьева <sic! A.I.> – в последний путь: Христос Воскрес!

13/14 мая 1943

<Позднейшая помета Ремизова:> (писал для священника: говорить на отпевании)

17 См. в воспоминаниях Н.В. Резниковой: «С.П. вела дневник – к концу жизни это были молитвы, часто обращенные к Божьей Матери. Запись 1941 года: «23 ноября. Выходила, сидела на лавочке. <...> Укрой меня под кровом своим, Матерь Божья, спаси нас спаси. Дай нам денег. Спаси, спаси, спаси!» – Н.В. Резникова, *Осенняя память. Воспоминания об Алексее Ремизове*. Подг. текста, вступ. ст. А.М. Грачевой (С.-Петербург: Пушкинский Дом, 2013), стр. 142.

18 «Хождение Богородицы по мукам» – переводной древнерусский апокрифический памятник (XII в.).

19 Ср. письмо Б.А. Ремизову и А.М. Лазаревым от 11 июня 1943 г.: «В малороссийскую кофточку и черный сарафан нарядил я Серафиму Павловну в последний раз» – РГА/ИИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 63. Л. 19.